

прекратилось бы всякое развитие, были бы невозможны любые церковные реформы.

Но благодаря этой, пусть даже относительной, истинности, философия и наука имеют особое значение для открытия веры путем философского размышления. По средневековому выражению, через рассматривание творений видимого мира ум восходит к невидимому, к источнику всякого творения — Богу. Так экзистенциальная философия и психология как особый вид творчества служат мостом между неверием и верой. Проводя человека в его воображении через пограничные ситуации, психология, обусловленная философскими категориями, ставит его на грань жизни и смерти, ставит перед осознанным религиозным выбором — бытием в Боге или вне Бога, т.е. небытием.

У религии есть четкая система координат, ценностная и смысловая, есть позиция, но все же религия тоже представлена разного рода течениями. Остановиться на одном из них — то же самое, что провозгласить одно из направлений в психологии верным, главным. И здесь главным отличием выступает то, что религия самодостаточна, психология же страдает комплексом неполноценности.

Долгое время психологии очень хотелось быть точной наукой, чтобы оправдаться перед научной общественностью и занять достойное место. Но естественнонаучные методы оказались для нее неприемлемыми, так как «объект» подводил исследователей своей субъективностью, изменчивостью, неповторимостью. И если психология не является в полной мере точной наукой, то, может быть, она — особый вид духовной практики? Но для этого необходимо выяснить отношения с религией и быть внутри религиозных основ, чтобы избежать конфликтов.

Вот и получается, что психология — это вроде как «недонаука» и «недорелигия». Комплекс неполноценности психологии связан с тем, что она еще не осознала свой собственный базис, существование особой системы ценностей и методов, не сводимых ни к какой другой сфере знаний и практики. Но при всем своем поразительном самоуничтожении психология оказала гигантское воздействие на культуру и общественное сознание, предложив атеисту отношение к жизни, альтернативное как религиозному, так и научному.

Здесь мы касаемся антропологической проблемы — отношения между телом, душой и духом человека. Поскольку существует много ступеней интеграции — по крайней мере, телесная, душевная, душевно-духовная и чисто духовная — уже за пределами нашего земного мира. Эти ступени находятся в неразрывном единстве, каждая служит началом для последующей. Соотношение этих ступеней и выражает единство психологии и духовной жизни.

Существует в христианской традиции довольно мощное, но не единственное мнение, которое полагает непроходимую пропасть между душой и духом, видит в душевной жизни только источник греха и соблазнов, помеху для духовности. Но душа по своей природе (именно по природе, а не по благодати!) христианка, по выражению Тертуллиана. Не будь этого, она не могла бы и совершить этот «безумный» для эллинов скачок от пантеизма к вере в распятого Христа.

Против антипсихологизма в жизни Церкви протестовал замечательный богослов Г.П. Федотов. В своем «Ессе homo» он писал: «...борьба с душевностью выдвигается на первый план духовной жизни. Душевность — это не одни низшие страсти. Это прежде всего мечтательность и нежность, склонность к умилению и сердечной религиозности, к человеческим привязанностям... Любовь — так называемая естественная любовь, в противоположность духовной — объявляется подлежащей преодолению... Таким образом, на месте человеческого сердца образуется пустота. Создается образ жестокого себялюбца, самоистязания которого не скрывают, а скорее усиливают черты сатанизма, т.е. бездушной и бестелесной, злой духовности».

Если исходить из позиции Г.П. Федорова, психолог — это не «искуситель», не конкурент, а союзник священника. Психолог в процессе взаимодействия с клиентом (по мнению Ф. Перлза) как бы снимает с души клиента «слои невроза», обнаруживая присущие этим слоям специфические страхи: от более поверхностного социального страха (перед незнакомыми людьми и др.) до глубинного «страха Ничто». Говоря религиозным языком, это слои греха, которые препятствуют контакту человека с его высшим Я, в конечном счете и с Богом. Процесс терапии неотделим от боли, от страха, сопротивления изменению и умирания какой-то части Я ради чего-то высшего. Так глубинная терапия может выступать как духовный путь посредством прохождения души через кризис («кризис» по-гречески означает «суд», суд души над собой), как смерть какой-то части Я и его воскрешение.

Что же предлагает человеку психология в отличие от религии, в чем различие и противоречие между ними?

Четко сформулированного ответа на этот вопрос не существует. Психология содержит в себе столько направлений, несет в себе столько идей, что выделение общих мировоззренческих оснований кажется задачей весьма непростой. В самом общем виде можно сказать, что религия показывает человеку особый путь, путь соблюдения заповедей, путь, ведущий к Богу, ведущий к спасению, в то время как психология помогает человеку найти согласие с самим собой.

Если взять плоскость отношения к себе, то психология дала возможность человеку почувствовать ценность собственных желаний и переживаний, какими бы они не были. Психология научила человека уважать собственные чувства и влечения, показав, что их отрицание или попытка борьбы с ними ведут к болезни. Наоборот, доверие к своим чувствам, принятие и следование за ними способствуют гармонии, самоактуализации и развитию. Психология способствует тому, чтобы человек взял на себя полную ответственность за все, что с ним происходит. Психологи показывают человеку, что его удачи и неудачи связаны с ним самим, с его «сценариями» и с его выбором. Причины событий жизни человека кроются в самом человеке, в особых внутренних психологических механизмах, и поэтому нет смысла кого-то винить или на кого-то надеяться, стоит обратиться к самому себе.

В плоскости отношений с другими людьми психология помогает человеку стать свободным от тех образов, которые ему навязывают родители, друзья, культура, и в то

же время избежать навязывания своих образов.

Психология предложила человеку систему понятий, где он самодостаточен в соответствии со своим уровнем развития, вне зависимости от ощущения принадлежности к вечности. В психологии человек может ощущать себя частью материального мира и быть счастливым, в религии же человек постоянно пребывает в конфликте, в сложном союзе: Я — Мир — Бог.

Важнейшим понятием религии является понятие греха. Греховно преступать абсолютные нравственные законы, изложенные, например, в десяти заповедях. Грех не перестает быть грехом, даже если он позволяет реализовать подавленные желания и тем самым облегчает психическое состояние человека; точно также праведный путь остается праведным, даже если его ценой является психический дискомфорт. По большому же счету, философски и теологически, грех есть отпадение от духовного в материальное.

Психология не знает понятия греха. Согласно психологии, плохо только то, что мешает человеку жить (любить, работать); а все, что устраняет помехи для жизни (а ощущение собственной греховности — помеха) — хорошо.

Отсюда и разница в поведении психолога и священника. Священник может (более того — должен) указать человеку на грех, апеллируя к абсолютному нравственному закону, заповедям. Психолог же будет отсылать человека к ценности его внутренней согласованности и душевного благополучия в соответствии с индивидуальной системой координат.

И религия, и психология говорят о нецелостности, противоречивости натуры человека и пытаются помочь обрести целостность, но делают это по-разному.

Религия утверждает, что человек, с одной стороны, несет в себе Образ Божий, с другой — обладает слабой, греховной плотью. Целостность же может быть достигнута через преодоление греховного начала и преображение до Образа Божия. При примитивном понимании религиозного воззрения на человеческую природу порой кажется, что греховная плоть противопоставляется духовному. Это несколько не так, но все же борьба духовного с телесным обозначается довольно четко в христианской парадигме.

Первым в психологии противопоставил религиозному свое понимание двойственности З. Фрейд. Сила учения Фрейда заключается в прозрении относительно невозможности что-либо победить и подавить в себе. Чем больше человек стремится к подавлению той или иной своей части, своих чувств и желаний, тем в более уродливых формах они проявляются в его жизни.

Гуманистическая психология сделала следующий шаг: она показала, что нецелостность человека, наличие субличностей (в гештальттерапии) или «отторгаемого опыта» (по К. Роджерсу) не несет в себе коренного непреодолимого противоречия. Это

не борьба Бога с дьяволом в душе человека, это не противоположность плотских влечений нравственности, а отгороженность друг от друга таких частей, которые, в принципе, могут договориться между собой и прийти к согласию, сделав человека внутренне богаче. Соответственно, в качестве идеала была выдвинута идея внутренней интеграции, достижения целостности не за счет победы одной части над другой, а за счет их союза, синтеза, когда человек принимает как данность, что он может быть и добрым, и злым, может испытывать привязанность и может не любить своих родителей. Может гневаться, раздражаться, быть агрессивным, иметь греховные желания. И все это нормально. Принятие и интеграция этих частей позволяет человеку стать целостной личностью с богатым внутренним миром.

Разные позиции психологии и религии определяют и разное отношение — священника к прихожанину и психолога к клиенту. Священник принимает любого человека, поскольку видит в нем искру Божью, но не принимает его грех, поселившегося в нем дьявола. Священник, зафиксировав внутреннюю борьбу в человеке, становится на сторону «светлых» сил, помогая победе духовного в человеке. Для психолога такой подход — признак непрофессионализма, поскольку он лишь усугубляет внутреннюю раздвоенность человека. Даже если психолог как человек не приемлет поступки клиента, то, входя в «рабочее состояние», он должен принять клиента целиком и помочь ему обрести внутренний мир, дав место всем его чувствам и желаниям.

Религия предлагает человеку особый путь — «путь спасения»; это путь добродетели, веры, смирения. Психология же помогает человеку идти его собственным путем, каким бы этот путь не был. Психология не указывает человеку направление его движения, она доверяет тому направлению, которое избирает сам человек, помогая ему как можно точнее почувствовать собственный индивидуальный путь и следовать ему. По сути дела, идеал психологии — освобождение человека от всех идеалов, предлагаемых ему извне, в том числе и религией.

Социальные, культурные, религиозные представления о том, что хорошо и что плохо, мнения родителей, супругов, общества способствуют раздвоенности, не дают человеку войти в контакт со своими собственными чувствами и прожить свою собственную жизнь.

В то же время, чем глубже человеческая мысль проникает в тайники психологии, тем ближе она к сфере теологического. Когда человек приводит нас к проблеме поиска смысла его жизни, то именно тогда психология и соприкасается с теологией, которая способна дать ответ на те фундаментальные вопросы, с которыми психология справиться не в состоянии.

В человеческой природе постоянно присутствует напряжение, обусловленное конфликтом между тем, что он есть, и тем, кем он должен быть; часто это противоречие между эгоцентризмом (эгоистическими мотивами человеческих решений) и бескорыстным откликом на потребности других. С теологической точки зрения это выглядит как противоречие между греховностью человеческой природы и ответом перед универсальной структурой, или Богом.

Человек свободен жить собственной жизнью и совершать собственный нравственный выбор. Ему дарована независимость, посему он своеволен и во всех обстоятельствах склонен делать выбор, исходя из собственного эгоизма, нежели из желания соответствовать Образу Божьему в себе. Образ Божий — это неизменная цель, потенциальная возможность, но ни один человек не достигает ее. Это означает, что внутри человека всегда остается противоречие между Богом и эгоистическим желанием, которое усложняет ему жизнь и вызывает длительные нравственные конфликты, душевные муки и чувство вины. Но подобное противоречие необходимо, если человеку необходимо познать какой-то смысл, если свобода и нравственная независимость, ответственность и спасение имеют хоть какое-то значение. Награда за это напряжение — творческое начало личности.

Все вышесказанное — это попытка найти грани соприкосновения, взаимодействия психологии и религии, а также обозначить их различие. Ни в коем случае нельзя смешивать структуры с довольно разным понятийным аппаратом и направленностью: но как в психологии, так и в религии речь ведется о душе человеческой.

Во многие направления психологии привнесены религиозные (трансцендентные) идеи, но психология от этого не становится религией. Религия также не исключает внутри себя психологического знания, но и она от этого не становится психологией. Сложен процесс взаимодействия между психологией и религией, и важно, чтобы это взаимодействие было взаимообогащающим и диалогичным.

Одной из попыток взаимного проникновения религии и психологии стало рождение святоотеческой психологии. Такое непривычное сочетание, как «святоотеческая психология», появилось не случайно. Наследие Святых Отцов Православной Церкви издавна служило верным путеводителем к здравью души, к восстановлению естественных законов развития и существования целостной личности. Тысячелетняя история самостоятельного развития святоотеческого учения указывает на невозможность полного слияния научных и святоотеческих подходов в изучении психики и личности человека. Если религия стоит у истоков бытия человека, то психология зародилась в глубинах философии как попытка объяснить природу психического в свете двух направлений — теистического и атеистического — в поисках человеком смысла.

В словаре В. Даля психология определяется как «душесловие, наука о душе, о духовной жизни человека во плоти. Психолог — душеслов (толкователь проявлений души)». Поэтому употребление термина «психология» в отношении святоотеческого наследия допустимо, хотя содержание самого наследия шире и включает знание не только о жизни человека во плоти, но и о его отношениях с Богом, а также учение о посмертной жизни человеческой души.

«Святоотеческая психология» не есть лишь переложение нравственного богословия или собрание афоризмов и поучений на этические темы. Она представляет собой нравственно-религиозное направление психологии — науки о душе, — и базируется на непреходящих духовных ценностях христианства, цементируя их

многие века саму основу государства Российского с его самобытной культурой, науками, ремеслами, определяя всю общественную жизнь.

Предмет святоотеческой психологии можно определить «как Богоискание и Богопознание через постижение истинной природы человеческого духа, души и тела в их целостности и подобии образу Божию».

Цель — «исцелить человека от нравственных и духовных недугов (страстей), которые являются причинами всех бед человеческих».

Психология — обширная область знаний, нередко малоопределенная и малоопределяемая, без единой мировоззренческой основы, разнолика, во многом опасная размытостью границ и понятий, но принимающая любого человека, страдающего в поисках себя и своего предназначения. Святоотеческое же направление при всей своей определенности и душеспасительности ограничено Православной парадигмой духовности. Вместе с тем, в святоотеческом учении содержатся настолько глубоко и убедительно раскрытые аспекты, касающиеся терапии души, что не обратиться к ним и не использовать их вместо сомнительного рода модных психотехник, где наряду с каплей истины море лжи, было бы неразумно. Следует подчеркнуть, что святоотеческая психология есть антипод всякого рода насилия над личностью извне, пошлости, лжи, мистики, чудомании, психических и психологических трюков, механических подходов к лечению душевных и телесных заболеваний вне связи с совестью и моралью.

Очевидно, что психология, наполненная духовным смыслом, крещенная святоотеческими и отечественными высоконравственными идеалами, не только имеет право на существование, но, возможно, рано или поздно займет решающее место в исцелении человеческой души, способствуя ее спасению. Так, например, работает известный во всем постсоветском пространстве психиатр-психотерапевт А. Алексейчик, который в своей врачебной практике объединяет психиатрические, психологические и религиозные (православные) основы и лечит не только на уровне знания, а, в первую очередь, на уровне своей личности, привнося понимание того, что психотерапия — это терапия душой.

Я же соглашусь с авторами, которые во взаимодействии психологии и религии видят зарождение новой науки, объединяющей все человеческое знание и веру, науки о телесном, душевном и духовном здоровье человека через переживание Красоты, Любви, Творчества.

С. Франк: «Невидимый внешнему взору прилив творческих религиозных сил оплодотворяет человеческую мысль и подготавливает рост новой науки, согласующейся с религиозным сознанием и способной на его основе утвердить новое, животворящее и осмысливающее целостное жизнепонимание».

Литература:

1. Занадворов М.С. Я и Иное // Московский психотерапевтический журнал. 1994. № 2.
2. Розин М.В. Религия и психотерапия: возможен ли кентавр? // Московский психотерапевтический журнал. 1994. №
3. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. Как давать и обретать душевное здоровье / Пер. с англ. М. Будыниной, Г. Пимочкиной. М.: Апрель Пресс.; ЭКСМО-Пресс, 2002. (Серия «Искусство консультирования».)
4. Дворецкая М.Я. Программа и конспекты лекций по курсу «Святоотеческая психология». Новокузнецк, 1999.
5. Невярович В. Терапия души (Святоотеческая психотерапия). Воронеж: -Изд. во НПО «МОДЭК», 1997.